

Королева. Выжить и не свихнуться

Автор:

Оксана Гринберга

Королева. Выжить и не свихнуться

Оксана Гринберга

Лиза Берсентьева и не подозревала, чем закончится для нее обычная загородная поездка. Машину занесло на заснеженной дороге, но вместо реанимации... она попала на коронацию. Теперь ее называют Елизаветой I, королевой Англии, а еще в придачу Франции и Ирландии. И нет никакой возможности убежать из Средневековья в Москву двадцать первого века! Вместо этого ее ждут государственные обязанности и королевский дворец, в котором самозванке так просто потерять не только жизнь, но и сердце, на которое покушаются великолепные красавцы ее двора. В оформлении обложки использованы иллюстрации Елены Счастной.

Глава 1

Звон, звон со всех сторон...

Кажется, во всех церквях этого скованного холодом города, засыпанного снегом и заснувшего на берегу реки, одновременно били в колокола. Звуки стекались в один, переплетались, пронизывая стены старинного аббатства, вибрировали вместе с ним, уносили меня ввысь, в запредельные дали. И там, наверху, под самым куполом, сливаясь с чистыми голосами певчих, я парила, летала, свободная от всего, нимало не заботясь о том, что происходит вокруг меня.

Вечер проникал сквозь огромные окна с цветными витражами, играл на каменных колоннах, прятался под белым, с позолотой, потолком храма. Но мне было все равно где я очутилась. Какая разница, ведь это всего лишь бред, всего

лишь сон...

Но в нем так хорошо!

Все же взглянула вниз. Людская суета – огромный храм набит битком. Женщины в длинных пышных платьях, увешанные драгоценностями... Серебро и золото их нарядов разбавляли багряные мантии кавалеров. Все молчат, смотрят спектакль, разворачивающийся перед ними. В тишине, наполненной звуком дыхания тысячной толпы, редкими покашливаниями да треском сотен свечей, слышался глубокий грудной голос пожилого епископа в золотом одеянии. Рядом с ним на синей ковровой дорожке замерла молодая женщина с распущенными рыжими волосами. На ней – платье цвета золота и парчовая мантия, подбитая горностаем. Я не видела ее лица, пока она не подняла голову. Вряд ли бы она заметила меня, парящую, летящую под самым потолком, но мне почему-то показалось, что женщина смотрела только на меня. Внезапно я поняла, о чем она думает. Осознала, что она держится из последних сил. Боль поселилась в ее животе, расплзалась стремительно, подобно злокачественной опухоли, выжигая внутренности. В голове у той женщины билась мысль: «Отравили!»

Какой все-таки странный у меня сон!..

И снова протяжный звон колоколов. Бум! Бум! Я вновь унеслась ввысь, разрывая нашу связь. Парила, свободная и невесомая, впитывая густой бас священника, говорящего на латыни:

– In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti...

Надо же, словно отпевает кого-то! Нет, не женщину, снова склонившую голову, но так и не сдавшуюся, не распростершуюся перед ним на дорожке, хотя священник, кажется, ждал именно этого. Но она была все еще жива, еще сильна. Да и я не собиралась сдаваться!

Пожалуй, пора возвращаться, а то загостилась в чужом мире...

Открыла глаза, приходя в себя в своем, выныривая из приятного забытья. И тут же на меня накинута боль. Боль, моя неверная подруга, о которой я почти забыла, паря под потолком аббатства, напала, ударила в спину, размозжила грудь, вдобавок приложив по голове.

Хорошо же мне досталось!

Треснувшая приборная панель, выбитое лобовое стекло, остатки айрбэгов, что выстрелили сразу же, при первом кувырке... Но и они не уберегли! Руль врезался в грудь, словно решив стать частью моего организма. Именно из-за него было трудно дышать, и я не могла пошевелиться. И кровь... Кровь была повсюду! Моя, подмерзающая, хоть я давно уже замерзла, но все еще была жива. Холодный воздух проникал сквозь разбитое стекло в кабину новенького «Рено» – подарка самой себе на тридцатилетие.

Хорошо же я его отпраздновала! Молодец, Лиза, куда лучше?! Вместо лобового столкновения с летевшей по встречной фурой кувыркнулась с насыпи на скорости сто километров в час. И теперь каждый вздох становился персональным адом, вырывался со стоном наружу, превращаясь в белый пар на морозе, клубился около рта. Мысли тоже клубились, то появляясь, то исчезая.

Надо же, все-таки сделала двойной прыжок, о котором так мечтала в детстве, когда мама отдала меня на фигурное катание! Пусть на машине, пусть вместо катка – обледенелая дорога, зато прыжок вышел знатный, на целый тройной аксель потянет... Уже не помню, как летела, но меня крутило знатно! Выход, правда, подкачал – тормозила в дерево.

Не повезло.

На грани затягивающегося пеленой сознания все же услышала истошные вопли сирены. Неужели «Скорая»? Глядишь, и правда спасут! Главное, дожидаться, прогнать подкравшуюся апатию, что уносила боль, звала за собой в место, где не существует времени и пространства, где звонят колокола, но не по мою душу...

Мысли путались. Почему-то я вновь очутилась под сводами огромного храма. Не имело значения, что в тот момент я лежала в разбитом маленьком «Рено» рядом с загородным шоссе, что руль и мотор от удара переместились вглубь салона, и мое тело проиграло им в споре за жизненное пространство.

Это не имело никакого значения, потому что та женщина, что стояла с гордо поднятой головой, тоже едва держалась. Но она была столь важна Мирозданию,

что меня выбрали на ее роль, ведь мы оказались похожи. Слишком уж похожи!

Бум! Бум!.. Нет, это уже не колокол. С трудом открыла глаза. Со всех сторон неслись встревоженные людские голоса. Бородатый спасатель в форме МЧС заглядывал в салон через разбитое лобовое стекло.

- Жива? - спросил у меня.

- Нет, - ответила ему.

- Значит, жить будешь! - удовлетворенно произнес он. - Сейчас вытащим. Держись, детка!

И я держалась. Даже не поморщилась, когда пневматическими кусачками перерезали стойки автомобиля.

- Дыши, девочка, дыши!.. Умница! - говорил врач, когда меня вытащили, вернее, буквально вырезали из разбитой в хлам машины и переложили на носилки.

И я - послушная девочка, умница и отличница, золотая медаль в школе, высшее экономическое, MBA, успешная карьера - очень старалась. Дышала, но почему-то выходило плохо. Любимый дед умер от пневмонии в прошлом году, в один момент просто перестав дышать. Кажется, очень скоро и я последую за ним... Додумать не успела, потому что вновь нахлынуло забытье, унося за собой в вихрь времени.

И я вздохнула последний раз в своем, чтобы открыть глаза уже в чужом мире.

В голову ударило красками, запахами, звуками. Дышать, Лиза, дышать!.. Пошатнулась, пытаюсь привыкнуть к новым ощущениям, к новому телу, ставшему моим по велению Мироздания. Хорошо хоть сидела на огромном деревянном кресле, а то, наверное, упала бы!

Но я справилась, потому что прекрасно чувствовала новую себя - стройную и сильную, готовую бороться с болью, которая все еще не покинула это тело. Попыталась пошевелиться, ощутив тяжесть золотой державы в руке. Массивный скипетр чуть было не выпал из сведенных судорогой пальцев другой руки, но

мне помог высокий темноволосый мужчина. Придержал, улыбнулся ободряюще, но я тут же покачала головой.

Нет, мне не нужна ничья помощь! Я смогу и сама! Сама выстою, выживу, потому что сильная, у нас вся семья из породы борцов. Впрочем, к такому сложно подготовиться!

Ощущая тяжесть короны на голове и массивное платье, что сдавливало ребра и мешало сделать вдох, я словно по наитию встала. И тут же передо мной на синем с золотом сукне в цвет государственного флага (и откуда только знаю?!) принялись опускаться на колени люди, спешащие принести клятву верности. Подходили, вкладывали свою руку в мою.

Я же смотрела в их лица. Лица, лица, лица... Подобострастные, заискивающие, настороженные, обожающие, встревоженные.

Наконец поняла, что свихнулась окончательно! Причем, я была не первой в нашей семье – моей двоюродной бабке по папиной линии тоже черти виделись на старости лет. Но мое помешательство оказалось куда интереснее и тянуло на отдельную палату в сумасшедшем доме.

Ведь меня только что короновали как Елизавету Первую, королеву Англии! А заодно еще и Франции с Ирландией...

Глава 2

Я очнулась на мягкой постели, чувствуя тяжесть одеяла, накрывавшего меня почти с головой. Пришла в себя, но не открывала глаза и не шевелилась, все еще надеясь, что горячечный бред минувших дней закончился. Вышел, и нет его больше!.. И что сейчас услышу писк медицинских приборов и почувствую тонкий и въедливый запах больницы, с их вечно недовольными уборщицами и градусниками в семь утра...

Ничего подобного! Пахло лишь промозглой сыростью каменных стен. До меня доносилось потрескивание дров в камине и чужое дыхание – кажется, на стуле

неподалеку от кровати прикорнула больничная сиделка. Но я знала, что это не больница.

Неужели кошмар продолжается? Ведь меня спасли, вытащили, вырезали из машины – точно помню! – так почему же все никак не приду в себя в собственном мире?

В день авария я уехала из Москвы. Не хотела больше никого видеть. Мне исполнилось тридцать, как раз пришло время собирать камни. В моей жизни их набралось предостаточно, на целую изгородь хватит! Или же на памятник собственной дурости...

День рождения выпал на пятницу. Я отнесла на работу три тортика, на которые с непривычки потратила весь предыдущий вечер. Но все же вышло неплохо! По дороге в банк купила несколько бутылок шампанского. Еще мартини, сок, оливки, ингредиенты для небольших канапе. Накрыла стол в своем кабинете, пригласила девочек из отдела. Заодно и мальчиков, куда уж без них?.. Потом весь седьмой этаж подтянулся, ведь у начальницы юбилей! А потом и шестой, и пятый, а за ними бухгалтерия и кредитный отдел.

Целый день ко мне не зарастала народная тропа. Завалили цветами и конфетами, да так, что я вазы по всему банку разыскивала, а мой кабинет вскоре превратился в филиал городской оранжереи. Я потом их еле-еле до машины дотащила, хорошо хоть девочки из бухгалтерии помогли! Загрузила на заднее сиденье, подвинув сиротливо лежащую теннисную ракетку и сумку с формой.

Работалось мне в день рождения так себе, с переменным успехом, особенно после двух бокалов шампанского, что булькало и взрывалось в голове веселящим газом. Я даже стала забывать причину, по которой собиралась уволиться из банка после шести лет напряженной работы и приличного карьерного роста.

А потом пришел он, моя причина и следствие – Андрей Ярославлев. Непосредственное мое начальство, небожитель с двенадцатого этажа. Спортивный, короткостриженный брюнет с синими глазами, красивый до ужаса! Цвет глаз завораживал, особенно на фоне свежего загара, привезенного им из Арабских Эмиратов. Весь банк знал, что Андоей отдыхал в Дубаи со своей семьей. Поздравил, подарил розы, поцеловал в щеку, задержав губы на моей

щеке. Выдохнул: «Жду вечера! Хочу тебя...»

Знал же, что не отвечу при людях пощечиной. Затем пожелал рабочих свершений и карьерного роста. Если бы заикнулся про личное счастье, ходить ему битым – нервы у меня давно ни к черту!

Затем Андрей крайне ловко выпроводил всех, закрыл дверь и вручил мне еще один подарок. Открыла конверт с логотипом турфирмы, а там – две путевки в Таиланд. Первая – на мое имя. На второй, подозреваю, стояло его, но об этом я уже не узнала. Порвала путевки на кусочки, заявив, что увольняюсь. Отработаю положенный по трудовому договору срок, после чего уйду в другой банк. Мне предложили должность ничуть не хуже занимаемой здесь, и я уже ответила согласием.

Затем долго и с удовольствием смотрела на ошарашенное лицо Андрея. Но мне все было мало, и очень хотелось запустить в начальника чем-то тяжелым... Вазой с тридцатью розами, например! Потому что наш с ним роман затянулся на целых три года и стоил мне миллиардов нервных клеток, которые уже никогда не восстановятся.

Какие бы ни были мои грехи в прошлом, я расплатилась за них сполна! Ведь любила его так сильно, что крышу сносило, и больше ни о ком и ни о чем не могла подумать! Пару раз, встречая рассветы с заплаканными, уставшими от бессонной ночи глазами, размышляла, уж не отправиться ли в последний полет с девятого этажа навстречу утренней Москве?..

Какая же я была дура! И все потому, что он оказался намертво женат.

Долго скрывал, не носил кольцо, объяснял отлучки работой и делами. Потом, когда я все-таки узнала, сразу же разорвала наши отношения. Ушла от него, но он меня вернул. Заново уходила, но он снова возвращал... И так – бесчисленное количество раз. Клялся, умолял, обещал, ползал на коленях, говорил, что любит и не может без меня жить...

Наверное, он все-таки меня любил, но какой-то слишком уж странной любовью... Словно я подписала с банком трудовой договор на свое рабочее время, а с ним – на всю оставшуюся одинокую жизнь.

Когда я поняла, что он не выполнит ничего из того, что он мне обещал?..

Наверное, когда у него родился сын. Наверное, в процессе разговора о разводе получился... Затем еще один. Двое детей! «Я не могу уйти, – наконец, признался Андрей. – Ты ведь знаешь, кто ее отец!»

Уже знала. Навела справки.

Когда мы расстались в очередной, наверное, сотый юбилейный сотый раз, стала встречаться со своим тренером по теннису, и у нас даже что-то получалось, пока Андрей вновь не решил меня вернуть...

Но на этот раз я твердо решила, что хватит!

Завезла домой цветы и подарки, окинула взглядом пустую квартиру. У него, значит, жена и двое детей, а у меня?.. Работа, евроремонт в собственной «двушке», новенькая иномарка в лизинг. Тренировки каждый вечер – подачи, айсы, догнать, отбить. Взять левый, ответить резанным справа... Я играла так, словно теннис мог что-то изменить в жизни, а ведь в ней ничего не менялось!

А еще подружки на выходных, одиночество по вечерам, когда спать еще не хочется, а дела уже переделаны. Знаю, мне всего лишь тридцать, но такими темпами я и не замечу, как мне исполнится сорок, и с работы меня выйдут встречать десять изголодавшихся кошек. А потом, после того как расскажу им, как прошел мой день, мы все вместе посмотрим очередную мелодраму.

Ну уж нет!

Захлопнула дверь, выключила телефон, сбежала в подземный гараж за машиной. С подругами договорилась отмечать завтра, сославшись на большой праздник на работе. Утром звонила мать из Америки, поздравляла... Отец не знал о моем дне рождения по причине собственного отсутствия в моей жизни. Сбежал, когда узнал, что мама беременна. Бабушка с дедушкой умерли. Вот и все! Все!..

До этого звонил Андрей, пытался навязать свою компанию, сказав, что нам надо серьезно поговорить, но я послала его подальше. Поговорим, когда он принесет

мне письменно разрешение от своей жены! Выехала из города, отправившись куда глаза глядят. Судя по указателям, глядели они в сторону Рязани. По дороге твердо решила, что все изменится. В новой жизни будет место работе в другом банке – где я сделаю не менее головокружительную карьеру! – развлечениям и тренировкам. А еще, я обязательно влюблюсь в хорошего человека, который ответит взаимностью. И рожу двоих, нет, троих детей! Двух мальчиков и девочку. Или же наоборот... Впрочем, какая разница?

Самое главное, я никогда, клянусь, никогда не буду встречаться с женатыми!

А потом – фура, выехавшая на мою полосу... Грузовик стремительно приближался, но все никак не убирался восвояси. То ли обгонял, то ли объезжал препятствие, а может, водитель заснул по дороге. Я удивилась, но подумала, что успею затормозить. Затем уже не удивлялась, потому что тормозить на обледенелой дороге оказалось слишком поздно.

Поздно!.. Летела в яркие прожекторы фар, до последнего веря, что они свернут с моего пути. Но ничего подобного не произошло, и в последнюю секунду вместо лобового столкновения с фурой я выбрала «джокер» – крутанула руль вправо и слетела с насыпи. Затем мир перевернулся, и не раз...

После чего – удар в дерево, храм, коронация, «Скорая», мужчины в форме МЧС, мужчины в странных одеждах с золотыми обручами-коронами на головах. Кажется, это были пэры Англии, а я – их королева.

Все, Лиза, допрыгалась! Свихнулась ровно на тридцатилетие... Помню, как решила, что позже разберусь. Главное, выжить! Но как тут выжить, если живот разрывался от боли, меня выворачивало наружу, но внутри была лишь желчь?.. А вокруг незнакомые лица, непонятные запахи и неизвестные звуки. Происходящее сводило с ума, но я приказала себе терпеть. Дождаться, когда все закончится, потому что это...

Это операционная, сказала я себе, общий наркоз и побочная реакция на препараты.

Но «операция» слишком уж затянулась. Мне казалось, что я умру во время мессы, которая последовала «оммажем», клятвой верности. Молитвы были на английском и на латыни, но я понимала все слова. Но когда епископ поднес к

моим губам хлеб и вино, организм не выдержал. Я подскочила и бросилась бежать. Куда?! Этого я еще не знала, но уж точно подальше отсюда!

Где же выход?! Тут за мной кинулись мужчины, стоявшие около трона, так что далеко убежать мне не удалось. Покорно позволила увести себя в небольшую часовню в том самом аббатстве, где происходила коронация. Меня о чем-то спрашивали, требовали вернуться, но я лишь молчала и качала головой. Боже, верни меня домой!.. Мужчины пытались взять штурмом, выжать из меня хоть слово, но я знала, что, если начну говорить, они все поймут.

Узнают, что перед ними самозванка, а вовсе не новопровозглашенная королева Англии и... Чего-то там еще!

Поэтому я встала и пошла. Куда?! Куда глаза глядят, подальше от всех. Ноги подкашивались, в голове распускались малиновые сполохи. Мир рябил, шел разноцветными полосами, словно сломавшийся телевизор советских времен. На этот раз меня никто не заставлял вернуться. Вместо этого – тяжесть меховой накидки на плечах, морозный воздух и затянутое тучами вечернее небо. Но стало легче лишь на минуту. Я уж и не помню, как попала на королевскую баржу с загнутым, как у гондол, носом. Мы плыли по реке, судя по разговорам, возвращались домой.

Домой... Во дворец Уайтхолл вниз по Темзе!

Кажется, сознание я потеряла в той самой барже. Приходила в себя, затем снова проваливалась в забытие. Очнулась, когда меня нес на руках темноволосый мужчина, прижимая к себе, словно ларец с драгоценностями. Я видела его лицо – на нем застыл ужас.

После была огромная кровать под светлым пологом. Чужое тело отторгало мою душу, но я с упорством обреченных возвращалось в него вновь и вновь, пока оно не смирилось, а, быть может, побороло отравление. Но каждый раз, закрывая глаза, я мечтала, что очнусь в больнице.

Ничего подобного! Вместо медсестер – пожилая женщина, отирающая мое лицо влажной тряпицей. Ее прогоняли, но она не уходила, утверждая, что она – старшая фрейлина и моя няня... Няня Кэти. Кажется, ее звали Кэти Эшли.

Вместо докторов здесь были мужчины в черных одеждах. Может, священники, что пришли изгнать мою душу из чужого тела, либо мясники, решившие перерезать мне вены... Но я не давалась! Выла и билась в их руках. Выхватила странного вида острую железяку, которой они пытались пустить мне кровь. Заехала железным тазиком по голове одному из них. «Прочь!» – крикнула на чужом языке. Они ушли, но затем явились снова. Попытались чем-то напоить, но для этого им пришлось бы меня убить.

Хватит, уже один раз отравили!

Затем пришли другие – уговаривали, настаивали, подсовывали на подпись документы. Наивные! После шести лет работы в банке что-то подписать, не прочитай?! Молили назвать преемника, чтобы Англия не утонула в крови гражданской войны, но я молчала. И все потому, что собиралась выжить.

И я выжила. Очнулась от странного ритмичного звука, словно кто-то медленно, с расстановкой, бил в гигантский колокол. Замерла и лежала, пока не поняла, что это стучит собственное сердце. Затем долго привыкала к тому, что из тела пропала боль, что больше его не сводит судорогой и не мучает лихорадка. Жар спал, ушел, забрав с собой последние силы.

Я чувствовала себя вполне неплохо. Единственное, жутко хотелось пить.

Так и лежала, наслаждаясь тишиной и прохладой удобной подушки под головой, прислушивалась к звукам дыхания, своего и чужого. Наконец, решилась и открыла глаза.

Ночь! В дальнем конце огромной комнаты был затоплен камин, тепло долетало до меня, нежно касаясь моих щек. Слева колыхалось пламя свечи, бросая фантастические тени на светлый полог над кроватью.

Я осторожно пошевелилась.

– Ваше величество! – тут же раздался негромкий мужской голос.

Сердце ухнуло, забилося с бешеной скоростью. Я повернула голову и уставилась на темноволосого мужчину средних лет. У него было широкое, немного

простодушное лицо, большой нос. Мой ночной сторож поднимался с кресла у кровати, придерживая рукой книгу в темном переплете, которую, кажется, только что читал.

- Тише! - шикнула на него. - Сейчас же садьте, а то всех перебудите!

И снова набегут с тазиками... Вены резать, кровь пускать или, того хуже, наследника Англии требовать. Но, кажется, обошлось, хотя у меня тут форменная ночлежка! Я быстро огляделась, оторвав голову от подушки. Кажется, в дальнем кресле спят, на кушетке спят и еще на той, что в дальнем углу, тоже...

Мужчина тем временем послушно сел.

- Кто вы? - тихо спросила у него.

В этот момент я осознала, что мы говорим на английском. На английском!.. Я изучала этот язык, приходилось на работе с документами возиться, но не знала его настолько, чтобы вот так, не задумываясь, свободно общаться.

Чудеса, да и только!

- Вы не узнали меня? - удивился мужчина.

Покачала головой, чувствуя кожей прохладный шелк постельного белья. Подозреваю, дали бы мне зеркало, я бы и себя не узнала! Одно помнила - у новой меня длинные рыжие волосы, разглядела их на коронации, а затем, когда металась в бреду, они постоянно лезли в глаза.

Мужчина тем временем взял свечу с прикроватного столика и поднес к своему лицу, кажется, решив, что это поможет мне вспомнить. Наивный! Несмотря на то, что я говорила на другом языке, чужую память мне не оставили.

- Роджер Эшам, - наконец, произнес он сконфуженным тоном, догадавшись, что я так его и не узнала. - Ваш бывший учитель из Хэтфилд-Хауса, где вы жили до коронации. Уроки словесности, итальянский, латынь, древнегреческий...

– Что вы делаете здесь в такой час? Вряд ли у нас запланировано занятие!

– Вы бредили, ваше величество! Говорили на языке, который оказался выше понимания ваших придворных. Меня вызвали, чтобы перевести ваши слова. Боялись, что объявите наследника или дадите указания, которые они не смогут исполнить. Ходят слухи, что вы говорили на древнегреческом...

Вздыхнула. Не думаю! Скорее всего, на русском, который здесь явно не в ходу.

– Вот, значит как, Роджер Эшам! – протянула я, словно пробуя его имя на вкус. Новый голос был глубоким и грудным. Язык, на котором говорила – непривычный, отличающийся от того, что учила в Москве, с большим количеством шипящих, сипящих звуков. – Удалось ли вам выяснить, кого я назвала наследником?

А то мало ли!.. Могла всякого наговорить, пока себя не контролировала.

– В моем присутствии вы лишь спали, моя королева! – улыбнулся Эшам. – Но я польщен тем, что для языка беспамятства вы выбрали греческий... Значит, мои уроки не прошли даром. Вы были отличной ученицей, лучшей в Английском королевстве!

Похвала женщине, чье тело я занимала, оказалась неожиданно приятной. Тем временем Эшам продолжал:

– Я принес вам книгу, ваше величество! Думал подарить ту самую, с речами Демосфена, которую вы любили читать в тенистых аллеях Хэтфилда. Но вместо этого выбрал другую. Она куда более уместна у постели выздоравливающей.

И Роджер снова улыбнулся. Я чувствовала себя спокойно и уверенно рядом с ним, словно откуда-то из глубин чужого сознания на поверхность вынырнул ответ: Эшаму можно доверять. Та женщина, чье место я заняла, без колебаний вручила бы ему свою жизнь.

– Что же это за книга? – любопытствовала я.

– «Илиада» Гомера.

– Восхитительный выбор! Роджер, – я была уверена, что к человеку, заслуживающему доверие, надо обращаться именно так, – вы правы, мне значительно лучше.

– Рад это слышать, ваше величество!

– Зовите меня как и прежде, Елизаветой. Вы не могли бы принести воды? В горле пересохло. Только умоляю, не перебудите остальных!

– Конечно, моя Елизавета!

Он ушел в темноту, затем вернулся с бокалом, наполненным водой. Поклонился, протянул. Если меня хотели отравить, подсыпав яд, все равно бы выпила, потому что жажда сводила с ума.

– Я вижу в том кресле Кэти Эшли. Ваша бывшая гувернантка, – негромко произнес Роджер, вернувшись на свое место, – теперь милостью вашей главная фрейлина и хранительница королевского гардероба. Она заснула впервые за все это время. Только когда удостоверилась, что кризис миновал. Ее столько раз пытались выгнать из покоев, но она не уходила!

Я вновь почувствовала волну тепла и благодарности к неизвестной женщине. Кажется, тело реагировало на имена! Кэти Эшли... Надо запомнить! Сдается, няня очень любила прежнюю меня, и я отвечала ей взаимностью.

– Спасибо, Роджер! Что говорят о моей болезни? – я вернулась к более насущным вопросам.

– Народ в отчаянии, моя королева! Все церкви переполнены, за ваше здоровье молятся как католики, так и протестанты. Службы не прекращаются ни днем, ни ночью...

– Роджер, я не о том! Что говорят... во дворце?

– У вас уже случались нервные приступы в Хэтфилде. Иногда распухали ноги и руки, как от водянки, и, бывало, вы неделю не вставали с постели. Я поспешил заверить сэра Уильяма Сесила...

– Это не был нервный приступ, – перебила его. – Меня пытались отравить! И то, что выжила и говорю с вами, – это чудо. Но отравление не прошло бесследно! – Как же страшно было признаваться!.. Но куда страшнее узнать то, как он на это отреагирует. – Я выжила, но память меня подводит. Надеюсь, в скором времени она ко мне вернется.

Впрочем, на это я уже больше не надеялась...

– Ваше величество, сэр Уильям Сесил вызвал известного немецкого врача...

Я фыркнула. Хватит уже с меня местной медицины!

– Роджер, я бы хотела, чтобы вы были рядом в сложное для меня время, поддерживая, как и делали это прежде.

Он что-то растроганно пробормотал в знак согласия. Затем, словно по наитию, я протянула ему руку. Мужчина бухнулся на колени и поцеловал мою кисть. Вернее, простое золотое кольцо, похожее на обручальное, что украшало безымянный палец.

Уставилась на него неверяще. Это что еще такое?! Неужели я замужем?! Не может такого быть!.. Если я не ошибаюсь, и меня угораздило попасть в тело той самой королевы, то... Насколько помню, она умерла, так и не побывав в законном браке. Черт, черт!.. Самое ужасное, я почти ничего не помнила об этой эпохе, так как история никогда не была моим любимым предметом!

– Сколько я болела? – осторожно спросила у Роджера, решив, что все разузнаю. Не сразу, но разузнаю. – Какое сегодня число?

– С вашей коронации прошло три дня, – ответил мужчина. – Сегодня – восемнадцатое января.

– Год?

Он помедлил с ответом.

Ну что же, фигуры расставлены, ход сделан. Белая королева замерла на шахматной доске, признавшись в том, что у нее нелады с памятью. Пришел его черед выбирать, за какую сторону он будет играть. И я очень понадеялась на то, что Роджер выберет меня. Даже если разболтает остальным, что у королевы не все в порядке с головой после нервного приступа, то сделает это крайне деликатно и не вдаваясь в подробности. Потому что к ответному ходу противника, чуть не снявшего мою фигуру с поля, я еще не была готова.

– Одна тысяча пятьсот пятьдесят девятый от Рождества Христова, ваше величество! – наконец, отозвался Эшам.

Черт, все-таки далеко меня закинуло... На четыреста с лишним лет назад!

– Елизавета, – поправила я. – Роджер, я бы хотела, чтобы вы подготовили книги, по которым мы занимались в... – Сейчас вспомню, он же говорил! – В Хэтфилде. К тому же, меня интересует история государства и право.

– Буду рад исполнить вашу просьбу, ва... Елизавета.

– Спасибо! А теперь, если вас не затруднит, почитайте мне немного, – попросила его. Протянула пустой бокал, чтобы он поставил на прикроватный столик. – Болезнь отняла все силы.

– Как угодно вашему величеству! – вновь произнес мужчина. Кажется, просьба польстила ему не меньше, чем мольба о помощи. Роджер взял книгу. – С какого места вы бы хотели начать?

– С самого начала, – ответила я, устраиваясь поудобнее.

Так и есть, мне придется начинать с самого начала, с азов. Я собиралась выжить в чужом мире и в чужом теле. Но для этого мне придется быть крайне осторожной и действовать с умом. Кажется, в эпоху, в которую я попала, любили рубить головы...

Если поймут, что королева – самозванка, мне несдобровать!

– Науки – убежище от страха! – негромко произнес Эшам, раскрывая книгу.

Я хмыкнула в ответ. От страхов и душевных терзаний мне отлично помогала работа. Много работы, с раннего утра до позднего вечера. Частенько я выползала последней из банка вечером в пятницу, пугая взъерошенным видом охранников, чтобы первой поприветствовать их в субботу. А еще – теннис и кофе. Много кофе!

Интересно, как в одна тысяча пятьсот пятьдесят девятом году обстоят дела с двумя последними позициями?

Тут полумрак комнаты наполнил певуче-прекрасный древний язык. Я закрыла глаза, блаженно вытянулась в кровати, чуть ли не урча от удовольствия, потому что понимала все, все до последнего слова! Пусть память мне не оставили, но я знала все языки, которыми владела покойная Элизавета.

Лежала и слушала. Затем беззвучно плакала, скорбя о женщине, которая любила речи Демосфена, к постели которой Роджер Эшам принес «Илиаду». Плакала так долго, пока не заснула совершенно незаметно для себя.

Глава 3

Я проснулась, когда неяркое зимнее солнце уже пробивалось сквозь тяжелые ночные занавеси. Открыла глаза и наткнулась на внимательный взгляд Кэти Эшли, дожидавшейся моего пробуждения в кресле возле кровати. Это была темноволосая, слегка полноватая женщина лет пятидесяти, с начавшим уже увядать, но все еще хранящим следы былой красоты лицом.

– Дорогая моя! – воскликнула няня. – О, девочка моя!.. Хвала Господу! Ты пришла в себя!

– Доброе утро, Кэти! – улыбнулась я, удивленная горячностью ее тона. – Да, я пришла в себя, и все благодаря твоим заботам! Каждый раз, когда открывала глаза, видела тебя рядом... Поверь, я никогда не забуду о твоей преданности!

Может, чужую память мне не оставили, но с моей было все в порядке!

– Ты и так одарила меня куда больше, чем мне могло бы присниться в самом смелом сне, – произнесла женщина. – Ведь я начинала простой служанкой, приехавшей из глуши Девона, затем стала камеристкой, а теперь... Ты возвысила меня до невиданных высот!

– Кэти! – улыбнулась я в ответ. – Такая преданность должна получить соответствующую награду.

Тут она спохватилась.

– Как самочувствие моей королевы?

– Хорошо. Настолько хорошо, что я собираюсь встать с кровати.

Это была истинная правда – в голове прояснилось, боль в животе ушла и не спешила возвращаться. Поэтому для начала я села, прижавшись спиной к пышным подушкам, что украшали изголовье. Обвела взглядом комнату, заставленную изящной мебелью, с восточными коврами на полу. Около большого окна стоял письменный стол с торчащим из чернильницы серым гусиным пером. В дальнем углу притаился клавесин. Надеюсь, меня не заставят развлекать придворных игрой на этом орудии пыток?.. А то ведь придется признаться в разыгравшейся амнезии!

В этот момент Кэт стиснула меня в объятиях, да так, что я оказалась намертво прижатой к пышной груди, стянутой жестким лифом синего платья. Мысли меня покинули, кроме одной: как бы не задохнуться! Наконец, смогла выпутаться. Вдохнула тонкий запах чужих духов, чувствуя сотрясающие ее тело беззвучные рыдания.

– Хвала, хвала Господу, Деве Марии и святым угодникам! – бормотала Кэти, на что я согласно промычала, размышляя о том, что неплохо и в самом деле вознести хвалу Господу. И всячески проявлять христианское рвение... Кажется, четыреста лет назад набожность считалась одной из добродетелей, и без нее было никуда!

Не успела заявить о своем решении, как няня принялась выкладывать сплетни, терзающие придворные уши и занимающие придворные рты.

Во дворце склонялись к мнению, что у юной королевы случился нервный приступ, которым она была подвержена и ранее. Только на этот раз он был куда сильнее прежних. Не выдержав волнений и бремени короны, возложенной на ее голову, Елизавета – я то есть! – чуть было не отдала Богу душу.

– Не только Тайный Совет, но еще и Парламент станут давить на тебя, умоляя как можно скорее выйти замуж и подарить Англии наследника, – предупредила няня. – Все только об этом и говорят. Ведь смерть еще одной королевы – новая гражданская война!

Задумалась. Получается, я вовсе не замужем и даже не обручена... Но чье же тогда кольцо на моем пальце?!

– Это не был нервный приступ. Меня отравили, – решившись, сказала я няне.

Если я кому и могла доверять, так это ей и Роджеру.

– Знаю, – произнесла женщина, кусая губы. – Это снова произошло! И где?.. Во дворце Уайтхолл, на моих глазах!.. И как я только не уследила? Девочка моя, сможешь ли ты меня простить?

Я потеряла дар речи. Как это – снова? Неужели меня, вернее королеву, уже пытались отравить?

Няня была безутешна.

– Все началось после Тауэра, в Вудстоке, когда тебя выпустили из заключения. Яд, пожар, головорез Пол Перри, которого успели заколоть раньше, чем он добрался до твоей комнаты...

– Все будет хорошо, – пообещала ей, решив, что мне стоит ее все же утешить. – Я приму меры! Думаю, мне следует поговорить...

Да, с кем бы мне об этом поговорить?..

– Тебя уже ждут Уильям Сесил и Роджер Эшам, – словно в ответ на мои мысли произнесла Кэти, и я кивнула.

Вот и отлично, с ними и поговорю! Выясню, кто мог желать мне смерти и делать это с размахом и выдумкой.

– Я очень рада, что Роджер вернулся ко двору, – продолжала Кэти. – Достойный джентльмен с незапятнанной репутацией и замечательный учитель.

Кивнула. Именно такой мне и был нужен, поэтому я собиралась сделать его кем-то вроде личного секретаря. В прошлой, московской, жизни у меня была замечательная секретарша, которая облегчала жизнь и помогала в работе.

– Но прежде, – Кэти хлопнула в ладоши, – твой завтрак! Теперь вся еда, что доставляется в личные покои королевы, проверяется дважды. Клянусь, дважды! Я заставила каждого из лакеев отведать блюда, которые они принесли, чтобы, упаси Бог, не подсыпали ничего по дороге.

Завтракала я в постели. Рядом замерло несколько фрейлин, а я так и не заметила, откуда и в какой момент они появились. Кэти порывалась кормить меня с ложечки, но я не разрешила, чувствуя себя неуютно под вежливыми, но любопытными женскими взглядами. Затем, когда поднялась с кровати, на меня налетел, закружил, сбивая с толку веселым щебетом, заботливый вихрь из служанок и фрейлин. Я только и успевала крутить головой, поднимать руки, переставлять ноги, обреченно позволяя делать с собой все, что угодно.

Им же было угодно переодеть и привести королеву в порядок. С меня сняли длинную тонкую сорочку, обтерли, ничуть не смущаясь моей наготы, которой, кажется, больше смущалась я. Вымыли волосы, помогли натянуть новую сорочку, смешные панталоны, теплые чулки – по полу немилосердно гулял сквозняк. Затем были жесткие белоснежные парчовые юбки, которые крепились на талии на сложных кружевных завязках. Зашнуровали холщовый лиф, да так, что первый размер груди куда-то испарился, словно я была рождена мальчиком.

Кэти смотрела на меня и все время ужасалась тому, насколько я исхудала.

Затем – не зря она была назначена хранительницей королевского гардероба! – няня принесла из другой комнаты самое красивое платье, которое я когда-либо видела. Белое, шелковое, приятное на ощупь. Тяжелое, зараза! Оно было расшито жемчужинами размером с фасоль, с квадратным вырезом на груди, от

которой, утянутой лифом, остались одни лишь воспоминания. Да и те были прикрыты вставкой из тончайшего прозрачного материала. Затем настал черед обуви – украшенным жемчугом и серебряными нитями туфлям на высоком каблуке. Хорошие туфли, правда, неудобные... Но после того, как я столько лет отбегала на шпильках, меня уже ничем не удивить!

Няня помогла с украшениями. Нити жемчуга на шею, небольшие серьги, перстни... Я собиралась расспросить Кэти о кольце, так похожем на обручальное, но вокруг все время вились фрейлины. Они и сделали мне прическу – закололи завитые локоны кверху. Кэти в задумчивости покрутила внушительных размеров жесткий воротник.

– Только не его! – взмолилась я, утомленная до невозможности утренним туалетом. Тут бы прилечь... Но если откинусь на кровать, то обратно уже не встану! Да и как тут ходить, когда за тобой волочится шлейф длиной в пару метров?

Как выжить в мире, в котором так сложно одеться, а раздеться я смогу лишь с посторонней помощью?!

– Ты великолепна, дитя мое! – произнесла Кэти, и в ее голосе прозвучала гордость. – Зеркало королеве!

Вскоре я увидела себя в первый раз. Замерла, чувствуя, как заколотилось сердце, а ладони сделались холодными и липкими, словно пойманные во рву лягушки. Незнакомая женщина совсем не походила на прежнюю меня – брюнетку с зелеными глазами, худенькую и невысокую. Из большого зеркала с инкрустированной драгоценными камнями рамой на меня смотрела молодая рыжеволосая женщина с выразительным и властным лицом. У нее были карие глаза, бледная и гладкая кожа и небольшой рот с тонко очерченными губами.

Она смотрела прямоком мне в глаза, и я отшатнулась, хотя понимала, что это мое собственное отражение. Но я... Я ее не знаю ее! Попятилась, чуть было не сорвавшись бежать.

Но куда?! Куда мне бежать?!

Наконец, вздохнула, справившись с приступом панической атаки. Оценила роскошь платья, прикинула, во сколько оно обошлось казне, и ужаснулась. С трудом заставила себя улыбнуться отражению в зеркале. И тут же лицо утратило королевскую властность, на щеках заиграли ямочки, глаза заблестели, и я поняла, что все же смогу привыкнуть к новой себе.

Королева Англии оказалась красивой и яркой женщиной. Она была выше среднего роста, стройная, с изящными руками и тонкими пальцами. Не сомневаюсь, с такой внешностью Елизавета пользовалась успехом у мужчин!

Впрочем, мне было вовсе не до них, тут бы выжить!.. А уж потом разобраться, свихнулась я или все-таки нет.

Служанки тем временем отворили двустворчатые двери спальни, фрейлины унесли большое зеркало. Я, удостоверившись, что шлейф подхватила одна из девушек, шагнула в доселе неизвестный мир.

В первой королевской приемной уже толпились дамы, одна наряднее другой. Темными воронами в стайке райских птичек, точнее, среди разодетых девушек, виднелись фигуры двух мужчин, увлеченных беседой. Оба в черном – в наглухо застегнутых коротких куртках из плотного материала с рукавами, притороченными к пройме шнуровкой. Из-под высокого жесткого воротника кокетливо выглядывал кружевной край рубашки, видневшийся также в просветах на плечах и манжетах. Грушеобразные короткие штаны переходили в обтягивающие, не покривлю душой, лосины. Наряды мужчин довершали мягкие остроносые ботинки из бархата.

Первого я узнала сразу же – это был Роджер Эшам, мой ночной сторож. У второго мужчины, казавшегося еще более высоким из-за черной шляпы, из-под которой выглядывали темно-каштановые волосы, было худое напряженное лицо, словно он пытался решить махом все проблемы Англии. Подозреваю, человек с пронзительным взором темных глаз, длинным носом и кокетливой бородкой был тем самым сэром Уильямом Сесилом, бароном Берли, государственным секретарем и хорошим другом королевы, о чем успела проболтаться Кэти Эшли.

Мое появление не прошло незамеченным. Дамы тут же присели в глубоком реверансе. Мужчины, соперничая друг с другом в неловкости, бухнулись на одно колено. Все замерли, и я тоже. Признаюсь, растерялась. Что же мне теперь

делать с этой... скульптурной композицией? Выводить всех из ступора или же пусть дальше стоят?

Ответ пришел изнутри, словно кто-то решил поддержать меня в столь сложный момент. Ничего, ничего не надо делать! Я лишь коротко кивнула, затем важно проследовала в центр зала, стараясь сохранять серьезное выражение на лице. Дамы самостоятельно вышли из сумрака, вернее из реверанса, мужчины поднялись.

Уильям поспешил ко мне.

– Приветствую вас, королева! – начал он низким приятным голосом, в котором, впрочем, угадывалась тяга к занудному бормотанию. – Нам всем не терпится узнать о вашем самочувствии.

– Благодарю, Уильям! Вашими молитвами, – я окинула взглядом замерших придворных, – мне стало намного лучше.

– Но не благодаря стараниям придворных врачей! – пробурчал мужчина.

Я улыбнулась. Какая все же удача, что меня выхаживала Кэти, и ей удалось отбить меня у местных знахарей.

– Я нашел для вашего величества лучших врачей Лондона, – добавил Уильям Сесил, – но вы выгнали всех и изволили ругаться на непонятном языке!

– Обсудим это позже, – произнесла я, едва сдержав смешок. Выходит, буйствовала. – Сейчас я отправляюсь вознести хвалу Господу за чудесное исцеление. – И очень надеюсь, что меня проводят в нужное место и не потеряют по дороге!

Государственный секретарь поклонился, затем намекнул, что Тайный Совет жаждет увидеть выздоровевшую королеву сразу же после посещения часовни. Я обреченно кивнула. Тайный совет?! Чужой мир накатывал товарным поездом, от которого я уже не могла спрятаться.

– Уильям, вы знакомы с Роджером Эшамом? – я решила перевести разговор на важную для меня тему.

– Встречались прежде, и многократно.

– Тогда вас, несомненно, обрадует мое решение сделать его личным секретарем.

Пожевав губы, Уильям произнес:

– Как вам будет угодно, моя королева!

– Елизавета, – напомнила я. – Прошу, зовите меня по имени.

– Не сомневаюсь в вашей дальновидности и его преданности, Елизавета! К тому же Эшам служил при дворе вашей покойной сестры Марии в должности министра иностранных дел. Думаю, он справится наилучшим образом, – и Уильям махнул рукой, подзывая писаря, возникшего словно из ниоткуда, чтобы нацарапать на бумаге волю королевы.

Эшам – бывший министр иностранных дел?! Ну что же, тем более справится! Тем временем я уже поздравляла польщенного Роджера с новой должностью, подозреваю, денежной и престижной. Также потребовала выделить ему комнаты во дворце, потому что я буду нуждаться в нем постоянно. По крайней мере, в первое время.

– Когда мне приступать к новым обязанностям? – спросил он после того, как порядком утомял меня изъявлениями благодарности.

– Сию же минуту! Теперь ваше место подле меня. И помните о нашем ночном разговоре, – предупредила его

Но прежде чем наша процессия отправилась в часовню, рыжеволосая девушка, одетая в роскошное зеленое с белым платье, подала мне молитвослов. Ее внешность показалась странно знакомой.

– Желаете держать его в руках, ваше величество, или позволите мне нести? – любезно поинтересовалась она, сжимая книгу в коричневом переплете. Что-то

было в лице девушки такое... знакомое!

Может, цвет глаз? Волосы, овал лица? Нет же, все вместе! Она была точной копией той женщины, что недавно посмотрела на меня из зеркала! Только на несколько лет моложе.

– Бойтесь данайцев, дары приносящих! – раздался тихий голос Роджера, стоявшего позади меня. Личный секретарь уже приступил к работе. – Это Летиция Ноллис, ваша двоюродная сестра, дочь вашей тети Марии Болейн. Присмотритесь к ней внимательнее, Елизавета!

– Пожалуй, я самостоятельно донесу слово Божье до часовни! – сказала я фрейлине, забирая из ее рук молитвослов.

Роджер хмыкнул за спиной, Летиция взглянула с изумлением, Уильям кашлянул, затем погладил бороду. А что я такого сказала?..

И мы пошли. Сперва через анфиладу гостиных и приемных, вызывая массовый падеж придворных. Мужчины, как один, склонялись передо мной, становясь на колени, дамы приседали в глубоком реверансе. По подсказке, пришедшей изнутри, я поднимала некоторых особо ретивых движением руки. Со всех сторон доносился шепот: «Королева! Королева жива!» Некоторым даже удалось коснуться длинного шлейфа моего белого платья, который поддерживала маркиза... Черт, забыла ее имя!

Мы шли. К процессии присоединялось все больше и больше народу. Теперь ее возглавляли бароны, графы, рыцари ордена Подвязки, в именах которых, услужливо подсказанных Роджером, я моментально потерялась. За ними выступал Хранитель большой печати – о, хоть его запомнила! – сэр Николас Бэкон. Подле него – двое служителей. Первый нес королевский скипетр, второй – державный меч в красных ножнах, украшенных королевскими лилиями. Эти вещи я смутно помнила еще с коронации. Затем шествовали мы с Роджером, нашептывающим мне в одно ухо имена, и Уильямом, порывавшимся нашептывать во второе о государственных проблемах. Последнего я отгоняла, как назойливую муху, но улетать он не собирался. По обеим сторонам нашей процессии с хвостом из фрейлин и придворных дам выступали гвардейцы с позолоченными секирами.

Вот и сходила Лиза тихонечко в церковь!..

Затем в одном из приемных покоев я заметила его – уже виденного ранее темноволосого мужчину, смуглым цветом лица походившего на испанца. На нем был костюм из светло-серого полотна, расшитый мелкими розочками и драгоценными камнями. Мужчина вовсе не показался смешным в немного нелепой средневековой одежде. Наоборот, выглядел элегантно и... мужественно.

Ловко склонился передо мной, но глаз не опускал, словно дожидаясь, когда мы встретимся взглядами. Встретились, и сердце почему-то застучало быстрее, а кровь прилила к щекам. По телу прокатилась горячая волна, вызвав всеобщую дезориентацию мыслей и чувств.

Что же со мной происходит? Ведь я знать не знаю этого человека! Видела лишь однажды, когда он вынес меня на руках из королевской баржи. Наконец, поняла, что это происходит вовсе не со мной, а с ней. Вернее, с чужим телом, которое столь бурно реагировало на незнакомца. Кто же он такой?

Толкнула Роджера локтем – нечего увиливать от своих обязанностей!

– Роберт Дадли, друг вашего детства, – тут же раздался тихий голос. – Елизавета, неужели вы забыли того, с кем были заключены в Тауэр?..

Я промолчала. Как можно забыть то, о чем никогда не помнила? Отвела глаза, прошествовала мимо Роберта, спиной чувствуя его взгляд, от которого по позвоночнику разбегалась горячая поземка.

Ну и пусть!.. Пусть смотрит, я его все равно не знаю!

Затем мы снова шли и шли. Через коридоры, комнаты, залы, сквозь длинные галереи и переходы, в окна которых я видела заснеженный сад. Если меня не приведут обратно, то, подозреваю, я заблужусь и буду вечно скитаться по дворцу призраком отца Гамлета! Не успела всесторонне обдумать эту мысль, как наша процессия вошла в очередной парадный зал, и я увидела картину, занимающую весь его потолок.

На ней была изображена семья: отец – грузный рыжеволосый мужчина в черной одежде, почти полностью скрываемой плащом из золотой ткани. Вид он имел суровый и решительный, в отличие от кроткой и задумчивой женщины в коричневом платье. В ее темных волосах было что-то наподобие русского кокошника, расшитого жемчугом. Подле них – трое детей. Старшая девочка, вернее, уже девушка – темноволосая, с серьезным лицом и поджатыми тонкими губами. Светловолосый мальчик лет девяти-десяти походил на ангелочка с наивным и любознательным взором. На нем был красный придворный костюм, на голове – залихватский берет с белым пером. Но моим вниманием завладела другая девочка-подросток.

Остановилась. Состав из придворных, немного побуксовав, тоже замер, словно чья-то решительная рука дернула стоп-кран. Я же смотрела на девушку, и она смотрела на меня. У нее были длинные рыжие волосы, спокойное и уверенное лицо. Красное платье цвет в цвет с одеждой маленького принца. В руках она держала книгу.

Это была Елизавета, я ее узнала! Вздогнула, почувствовав на себе внимательный взгляд. Но ведь она умерла! Умерла, а я... Я, кажется, свихнулась окончательно, потому что ощущала в этом зале ее незримое присутствие.

– Ваша семья, – тем временем бубнил Роджер, кажется, окончательно смирившийся с тем, что королева забыла все на свете. – Ваш отец, Генрих VIII, его шестая жена – Екатерина Парр. Ваша старшая сестра – королева Мария, скончавшаяся два месяца назад. Младший брат – король Эдуард, умерший в возрасте пятнадцати лет. Вы сами...

– Спасибо, Роджер! – негромко пробормотала я. – Уж себя-то я помню!

Оторвала взгляд от портрета, стараясь стряхнуть наваждение. Не надо на меня так смотреть! Внезапно, словно получив толчок изнутри, вновь перевела взгляд на Елизавету, почувствовав... Странно, мне казалось, что королева что-то от меня ждала. И я, кажется, догадалась, что именно.

Клянусь, мысленно пообещала ей, я буду стараться! Сделаю все, что в моих силах, чтобы, когда мы встретимся еще раз – где-нибудь на небесах! – мне не было бы стыдно за то, что учудила в твое правление! С твоим народом, с твоей Англией.

Затем, когда мы все же добрались до часовни, я сидела на деревянной лавке в небольшом закутке, отделенном от остального помещения тонкой деревянной стенкой. Рядом со мной расположились Роджер, Уильям, Кэти и еще несколько дам, подозреваю, крайне высокого положения. Богослужение происходило на английском. Я косилась на Кэти, чтобы не прошляпить особо важные места, в которых следовало запеть, подняться на ноги или перекреститься. При этом размышляла, как выполнить обещание, данное портрету на потолке.

Да, я свихнулась, и что теперь?!

У меня была слабая, но все же надежда выполнить обещанное, потому что я вспомнила некоторые факты об этой эпохе. Память подводила, но, кажется, настырной Марии Стюарт отрубили голову, елизаветинский флот разбил испанскую Великую армаду, а сама королева переболела оспой.

Оспой! Но ведь у меня же есть прививка...

Поморщилась. В том-то и дело, что прививка была у прежней меня, а не у королевы! Здешняя медицина – с тазиками и кровопусканиями! – до вакцинации еще не доросла. Мне же надо будет что-то придумать со всеми – и с испанцами, и с настойчивой претенденткой на трон, которая в погоне за английским престолом потеряла голову, и с болезнью, с которой я не собиралась познакомиться лично...

К тому же был миллион государственных проблем, которыми спешил щедро поделиться со мной Уильям Сесил. Где-то притаились отравители, что, боюсь, вряд ли останутся на достигнутом. И еще – черноволосый придворный, смотревший на меня так, что мысли начинали течь медленно, а по телу разливалась горячая лава.

Роберт Дадли, вот как его звали!

Пока Тайный Совет дожидался в большой приемной, я нервничала и подгоняла фрейлин, умоляя поскорее меня переодеть. Идти в том же наряде, в котором посетила церковь, оказалось не комильфо, поэтому под натиском Кэти выбрала зеленое платье с цветочными узорами, вышитыми золотой нитью – очередное произведение искусств из драгоценной ткани и многослойных кружев. К нему прилагались длинные узкие рукава золотого цвета, сверху крепились вторые, расклешенные, начинавшиеся от середины предплечья и продолжавшиеся так долго, что нижний край касался пола.

Я дергалась, не в состоянии дождаться, когда мне сделают новую прическу – волосы распустили и расчесали, затем закололи несколько завитых локонов кверху. От чепца и огромного стоячего воротника отказалась – надо что-то делать с нефункциональным гардеробом! – зато вцепилась в веер из белых перьев. Мне хотелось чем-то занять руки, потому что я уже не знала, куда деться от волнения.

Первый Тайный Совет! Да они сразу раскусят, что королева – самозванка!

Выдохнув и приказав себе не нервничать, дождалась, когда распахнутся двери спальни, и вышла в гостиную, где уже дожидались Роджер и Уильям Сесил. Милостиво кивнула в ответ на их комплименты, чувствуя, как бьется растревоженное сердце. Затем с двумя мужчинами в черном за моей спиной, в сопровождении нескольких гвардейцев и стаи писарей, нагруженных свитками и документами, проследовала навстречу своей судьбе.

Мой Тайный Совет... Их было около двадцати. Естественно, все мужчины, хотя ничего другого и не ожидала. Когда мы вошли, они были заняты беседой. По обрывкам фраз я поняла, что речь шла о моем здоровье, тревожившем умы и сердца придворных. Заметив наше появление, мужчины поднялись на ноги и поклонились.

– Прошу, садитесь! – пробормотала я, прерывая повисшую тишину, давившую на нервы.

Голос дрогнул предательски. Я окинула быстрым взглядом присутствующих, стараясь запомнить их лица. Лица, лица, лица... Молодые, худые, одутловатые, смуглые, с печатью прожитых лет. Встречалась с ответными пытливыми взглядами, словно пытавшимися на глаз определить, оправилась ли королева от

болезни или нет.

Наконец, проследовала к высокому креслу во главе впечатляющего размерами стола. Рядом было предостаточно места для Роджера, которого Сесил представил присутствующим как моего нового личного секретаря. Раздался негромкий ропот недовольства. Я повернула голову, чтобы взглянуть на несогласных, и тут нервы сдали окончательно. Черноволосый придворный, на которого я наткнулась по дороге в церковь, тоже сидел за столом и смотрел на меня слишком внимательно. И кровь тут же прилила к щекам. Я почувствовала, что краснею под его внимательным взглядом.

Боже, этого еще не хватало! Странно, ведь в прежней жизни меня не смутил бы даже отряд эксгибиционистов...

Вместо того чтобы занять место во главе стола, я позорно сбежала к окну. Прислонилась спиной к стеклу, желая, чтобы январский холод остудил разгоряченную кровь. Сжала до боли в пальцах веер. Кто бы мог подумать, что лорд Дадли тоже в Тоже Совете?!

Прикусила губу. В прошлом я провела предостаточно собраний, и даже присутствие Андрея ни разу не вводило меня в ступор. Но сейчас чужое тело реагировала на него слишком бурно, а ведь я этого человека не знаю и знать не хочу!

– Роджер! – позвала я, и личный секретарь с готовностью занял свое рабочее место подле меня.

Уильям было дернулся следом, но я покачала головой. Не так сразу, пусть сначала привыкнут к Эшаму.

– Имена, Роджер, – тихо напомнила ему. Затем обратилась к присутствующим: – Давайте уже начнем, господа!

На Роберта Дадли старалась не смотреть, словно его не существовало в природе. Ведь вместо него есть... Да, девятнадцать других советников: хранитель большой печати сэр Николас Бэкон, лорд-казначей сэр Томас Перри, лорд-гофмейстер сэр Говард из Иффингема, королевский камергер граф Арундел... Брр! Королевский конюший лорд Роберт Дадли – этот не даст себя

забыть, вот как смотрит! А еще – лорд Рассел, граф Бетфорд, сэр Френсис Ноллис, лорд Ханстон, сэр Томас Грешем, лорд Пемброк, лорд Клинтон, Томас Говард, герцог Норфолк, архиепископ Хит, маркиз Винчестер, сэр Томас Чейни и сэр Уильям Питри и другие ответственные лица, которые сразу же принялись допытываться о состоянии моего здоровья.

Удивляясь собственной уверенности – решила, что не буду их бояться, ведь все уже случилось, когда на скорости сто километров в час слетела с дороги! – я заверила присутствующих, что кризис миновал и чувствую себя неплохо. Может, силы еще не восстановились полностью, но я уже могу ходить, говорить и даже посетить заседание Совета.

Последнее замечание вызвало улыбки.

– Елизавета, мы все же настаиваем, чтобы вас осмотрел врач!

Так и знала, что главным занудой окажется Уильям! Но, оказалось, не только он. Мужчина в годах, кажется, Генри Фицларан, граф Арундел, с одутловатым лицом человека, увлекающегося алкоголем, уставился на меня масляным взглядом.

– Было бы благоразумным, – со значением произнес он, – если бы королева встретила с врачом, чтобы тот тщательным образом расспросил вас о самочувствии. Совет хотел бы удостовериться, что подобных приступов в будущем не повторится

– Заверяю вас, это был последний! – вежливо ответила ему и улыбнулась графу, но, кажется, перестаралась. Потому что получила ответную улыбку, а в придачу к ней шел еще и страстный взгляд. – Волнения предшествующих коронации дней не прошли бесследно, но я не думаю, что Совету следует беспокоиться о моем здоровье.

Об отравлении решила им не рассказывать. Кто знает, быть может, среди них есть тот, кто щедрой рукой подсыпал яд, а теперь сидит, пытаюсь понять, как же он так просчитался с дозой?

– Да, и насчет врача... Уильям, я никогда больше не хочу видеть этого мясника! – тем временем заявила я, вспомнив фигуру в черных одеяниях и со скальпелем в

руке.

– Вернее, цирюльника, – с улыбкой поправил Роберт Дадли. Со всех сторон раздались негромкие смешки. Кажется, местных лекарей недолюбливала не только я.

– Но он следил за здоровьем вашей семьи, – не сдавался граф Арундел. – Это придворный врач вашего отца, вашего брата Эдуарда и даже вашей сестры, упокой Господь ее душу!

Мужчины дружно перекрестились, я последовала их примеру, после чего ехидно заметила:

– Спасибо, дорогой граф, что напомнили о моей дорогой семье. Уж не его ли лечение столь скоростижно свело их в могилы?

В ответ установилась гробовая тишина, прерываемая лишь сдавленными смешками. Кажется, шутка имела успех, который побоялись выразить вслух.

– Но, королева, вы не можете остаться без врача! – расстроено произнес Уильям и пригладил усы. – И я не вижу ничего веселого в последнем замечании. Ваше здоровье – дело государственной важности. Не приведи Господь, что с вами случится...

– Не приведи Господь, – согласилась я. – Поэтому доктора выберу сама. Уильям, вы не могли бы составить список достойных кандидатов? Лондонские врачи с хорошей репутацией и по возможности с наименьшим личным кладбищем?

Кажется, если не прекращу веселить народ, мой первый Совет превратится в балаган.

– Их много, моя королева, – возвестил Уильям, пряча улыбку в бороду. – Как вы собираетесь выбирать достойнейшего?

– Устрою смотрины.

Совет зашумел.

– Все знают, какой в Англии уровень образования, – возмущался сэр Николас Перри. – Королевский врач должен обучаться за пределами страны!

– Еще скажите, в медицинских школах Парижа или Рима, – ядовито возразил пожилой маркиз. Даже не помню, как его зовут. – Давайте пригреем шпиона под собственным боком!

Его предложение вызвало рев возмущения. Нет, шпионов нам не надо! Вскоре, однако, сошлись во мнении, что лекарь должен быть либо из местных, либо окончить университет Лейдена, что в Нидерландах, ну, или на худой конец обучаться в Женеве.

– Ну что же! Доктор, обучавшийся в Лейдене или в Лондоне, – согласилась я. – Хорошая игра слов. Да будет так! – Ой, а не слишком ли увлеклась игрой в «королеву»? – И запишите, что он должен обязательно переболеть оспой, – добавила я. – Это значительно сократит количество претендентов.

– Но, Елизавета!.. – возмутился государственный секретарь.

– Уильям, это очень важно, – заверила я. – Хотя можете считать это капризом королевы.

– Хорошо, – сдался Сесил, наверное, мысленно нажаловавшись Господу на взбалмошность женщин в целом и королевы в том числе.

Следующим в повестке дня следовал вопрос о тревоге, поселившейся в умах простых горожан. По Лондону, набирая силу, ходили слухи о смерти королевы. Говорили, что она уже похоронена, а Тайный Совет передел в ее платье пажа и выдает за Елизавету только для того, чтобы не вызывать панику.

Подогреваемый домыслами страх, наоборот, усиливался, разгорался лесным пожаром, охватывая квартал за кварталом. Об этом докладывал лорд Дадли, глядя мне в глаза, и я даже не сломала веер, уверенно выдержав его взгляд.

– Что вы предлагаете? – спросила у мужчины, мысленно поморщившись. Красивый, зараза, и на Андрея совершенно не похож!

– Королевский парадный выезд, – ответил он. – Поехать по улицам города в сопровождении гвардейцев и придворных, и как можно скорее. Я подготовлю его за три дня.

– Завтра, – отрезала я. Еще мне восстания не хватало, и чтобы пытливые горожане полезли под юбки, проверять, мальчик-паж я или нет...

– Но, королева...

– Завтра! И не надо ничего сверхъестественного.

Честно говоря, я не знала, как здесь происходили королевские выезды, но подозревала, что это нечто из серии «Улыбаемся и машем!».

– Желательно, чтобы королеву увидело как можно больше народу. Так что Елизавета поедет верхом, – произнес лорд Говард. – Пусть горожане удостоверятся, что королева в добром здравии.

– Она поедет в карете, потому что еще не в добром здравии, – возразил Роберт. – Елизавета только что встала с кровати после трехдневного приступа, а вы хотите сразу же посадить ее на лошадь? Думаете, это пойдет ей на пользу?

– Зато утихомирят народ, – не сдавался Говард.

Я молчала, прислушиваясь к завязавшейся дискуссии, размышляя о том, что живую лошадь видела в зоопарке и еще много раз по телевизору. Как-то не сложилось у нас...

– Я поеду верхом, – тихо сказала я, но Совет был так увлечен препирательствами, что меня не услышали. – Никакой кареты, на лошади! – сказала уже громче.

Разобьюсь, и дело с концом! Может, заново очнусь в своем времени? На больничной койке, вся в трубках и в гипсе, зато дома!

– Но, Елизавета... – опять начал Дадли, прерывая ход моих мыслей.

– Роберт, слушайте и повинуйтесь! – устало произнесла я и посмотрела ему в глаза.

Ну и пусть!.. Может, нельзя так себя вести с придворными, не знаю. Но тоска по дому стремительно разъедала бастион моей уверенности.

– Как прикажете, королева! – сдался мой конюший. – Ну что же, я подготовлю маршрут к сегодняшнему вечеру. Представлю вам доклад...

– Не надо, Роберт! Я вам полностью доверяю.

Кажется, настоящая королева испытывала к этому мужчине нечто большее, чем просто симпатию, поэтому мне приходилось умирять порывы чужого тела. К тому же, если Роберт нравился ей, это вовсе не значит, что он понравится мне.

– Что у нас дальше по плану? – резко спросила Уильяма, желая отвлечься от мыслей о лорде Дадли. Я немного осмелела, потому что Совет проходил даже лучше, чем я ожидала. По крайней мере, никто не вопил: «Самозванка!», не тащил за волосы в церковь, изгонять из тела королевы злых духов.

Меня, то есть.

– Елизавета, – начал Уильям, угрожающе потрясая перевязанным синей лентой свитком. – Это обращение Палаты общин...

Я встревожилась. Уже название внушало мне уважение.

– Пока вы болели, состоялось внеочередное заседание парламента. Они требуют, вернее, слезно умоляют вас выйти замуж. Мы, ваш Тайный Совет, смиренно присоединяемся к этой просьбе. Я подготовил список претендентов на вашу руку, – Уильям кивнул на солидную стопку бумаг, возвышающуюся рядом с ним. – От некоторых мы уже успели получить брачное предложение – я имел в виду короля Филиппа Испанского. Остальные не заставят себя ждать. Мы ожидаем посольства из... – государственный секретарь порылся в бумагах, – Швеции, Дании, Австрии. Шотландцы тоже уже выдвинули своего претендента.

Я молчала, чувствуя себя обескураженной. Надо же, сколько желающих на руку Елизаветы! А мне, в моей прошлой жизни, так и не сделали ни единого предложения. А ведь и лицом вышла, да и характер покладистый, но... Все как-то не складывалось!

Как же мне теперь избежать замужества, когда Уильям смотрит так настойчиво, а Палата общин присылает свитки, перевязанные синей ленточкой?

Тут советники с энтузиазмом принялись обсуждать претендентов. Мнения разделились, лорды министры никак не могли выбрать лучшую партию. Я же прислонилась щекой к холодному стеклу, разглядывая заснеженный парк внизу и очищенные дорожки, по которым так хотелось пройтись. Да ну их, эти брачные игры! К тому же, чувствовала на себе мрачный взгляд Роберта Дадли. Кажется, и ему мысль о моем замужестве не внушала оптимизма. Граф Арундел тоже пребывал в задумчивости, не присоединяясь к дискуссии. Зато советники завелись так, словно это они уже в срочном порядке выходили замуж.

Вот пусть и выходят! А я... Я, пожалуй, выйду подышать свежим воздухом.

– Все, господа, на сегодня хватит! – сказала им. – Дело деликатное, так сразу ответа не дам, но подумать обещаю. Уильям, прошу вас, подготовьте бумаги! И обращение не забудьте, я почитаю чуть позже. На этом, пожалуй, закончим. Оставшиеся дела перенесем на другой день.

Хорошо, что в прошлой жизни я провела тысячу и одно совещание, и меня уже ничем не испугать, даже нестройным хором разочарованных голосов. Знаю, еще столько вопросов не решено, но я чувствовала, что еще немного – и погибну здесь, среди малознакомых мужчин и государственных дел. Слабость напала исподтишка, взяла в окружение, собираясь меня прикончить.

Но я решила ей сопротивляться и сбежать из каменных стен на свежий воздух.

– Роджер, – кивнула Эшаму, так как была уверена, что без него не найду дорогу в свои покои. – Господа...

Я коротко кивнула. Советники встали, и мы с Эшамом покинули зал. Естественно, в сопровождении гвардейцев. Интересно, это их Уильям приставил или королева все время передвигается под присмотром телохранителей?

У своих покоев попрощалась с Роджером уже до обеда. Боже, храни королеву, меня, то есть, ведь я решительно осталась без помощника!

Слуги распахнули дверь в личные покои, и я тут же угодила в заботливые руки фрейлин. Всех имен еще не знала, приходилось выкручиваться. Кэти занималась королевским нарядом для вечера. Мэгги, Бэтти, Бэсси, Летти отправились со мной на прогулку, но уже после того, как меня переодели в другое платье – коричневое, теплое, с наглухо застегнутым воротником. К нему полагался килограмм золотых украшений, от которых я отказалась: все равно не видно под меховой накидкой. Зато теплые сапожки и перчатки не помешают...

В саду я с интересом слушала последние сплетни. А именно, как убивались придворные, пытаюсь штурмом взять фрейлин, чтобы те передали королеве заверения в преданности и пожелания скорейшего выздоровления. Ну и дары, как без них!

– А что подарили-то? – поинтересовалась у них.

– Сладости, – доложила мне Бэсси, полненькая хохотушка в завитках светлых волос. – Знают, что вы их обожаете! А еще книги, веера, драгоценности...

Девочки принялись перечислять, кто именно и что принес. Я же, жмурясь на полуденное солнце, гуляла по парку, чувствуя, как обретаю душевное равновесие. Подол платья, несмотря на пышные юбки, волочился по снегу, но это, похоже, никого не волновало. Значит, я тоже не буду переживать!

Может, и правда все обойдется? Глядишь, и приживусь в этом времени.

Тут словно чертик из табакерки – весь в черном и ниоткуда – вынырнул Уильям, прибился к нашей группе и завел беседу о шотландском вопросе, который мы так и не успели обсудить на Совете.

– Уильям, на нас напали? – со вздохом поинтересовалась я.

– Еще нет, моя королева!

– Тогда, надеюсь, шотландцы подождут до завтра.

– Может, и подождут, – с неохотой признал Уильям, – но бумаги с претендентами, – государственные секретари так просто не сдаются! – дожидаются вас на столе.

– Обязательно посмотрю, но позже, – пообещала я. – Кстати, Уильям, вы ведь знаете, что это за кольцо? – спросила у него с нажимом, снимая с руки перчатку. Уж кому не знать, как государственному секретарю! Пусть думает, что королева устроила ему экзамен на профпригодность.

– Конечно, – с легкостью отозвался Сесил. – Это ваше коронационное кольцо!

– И оно на месте обручального, – произнесла я вслух, – а это означает... – И что это означает? – Это означает... Гм!.. Это означает, Уильям, что я уже обручена с народом Англии!

Замерла, растерявшись от собственной наглости. Но ведь нашлась отличная причина увилить от ненужного мне замужества!.. Неожиданно заметила, что навстречу нам по одной из дорожек приближался лорд Дадли.

У нас что, выездная сессия Тайного Совета?

– Но, королева, вам все же стоит... – вновь забубнил советник.

– Уильям, прошу вас!

Наконец, он откланялся и оставил меня один на один с Робертом. Фрейлины тоже отстали, предательницы! Какое-то время мы с Дадли шли молча. Я смотрела на расчищенную от снега дорожку, всеми силами стараясь не коситься на мужчину. Но ведь хорош же! Высокий, крепкого телосложения, черноволосый, смуглый и обаятельный до невозможности.

К тому же, по странному совпадению его новый наряд был в цвет моего платья. Или же это не совпадение?

- Елизавета, - наконец произнес лорд Дадли. - Чем я заслужил вашу немилость?

- С чего вы решили, Роберт, что вы в немилости? - с запинкой поинтересовалась у него.

- Меня не подпускали к вам все эти дни! Вы ни разу не послали за мной, хотя я дежурил у дверей в ваши покои, как верный пес.

- Но, Роберт, мне было очень-очень плохо, и я никого не принимала! Лично к вам это не имеет никакого отношения!

А еще я отбивалась тазиком от местного цирюльника со скальпелем! Выходила меня Кэти. Если бы не моя няня, то, думаю, королева бы умерла, а меня бы... Подозреваю, в моем собственном времени меня бы тоже похоронили!

- Эшам! - тем временем едко напомнил Дадли. - Что делает подле вас учитель из Хэтфилда? На месте, которое долгое время было моим, Елизавета! Как же быстро вы обо всем забыли!

Я растерялась. Кажется, меня только что обвинили в ветрености. Но что мне делать с мужчиной, доставшимся по наследству от настоящей Елизаветы, в присутствии которого и у меня случаются гормональные бури?!

- Роберт...

- А сегодняшнее: «Слушайте и повинуйтесь!», моя королева! - продолжал он с горечью в голосе. - Конечно, вы вправе приказать любому, но я лишь хотел позаботиться о вас!

- Роберт... Простите, я была не права!- протянула руку, желая коснуться его плеча, извиняясь за резкие слова на Совете.

Но внезапно он поймал мою ладонь и сжал в руках.

- Снег! - пояснил Роберт, наверное, заметив мой растерянный взгляд. - Я помогу вам перебраться.

Он прав, снег! Мы шли, не замечая дороги, пока не забрели в тупик. Вернее, в сугроб. Но впереди, буквально в паре метров от нас, виднелась очищенная дорожка. Роберт, придерживая меня за руку, помог до нее добраться.

– Роберт, а теперь отпустите меня! – наконец, попросила у него, когда мы вышли из сугроба, а он все продолжал сжимать мою руку. – На нас люди смотрят!

И правда, хихикая и поддерживая друг дружку, фрейлины уже двигались по нашим следам. Вскоре до меня добралась Бесс и тут же принялась отряхивать мое платье, а Роберт все не торопился выпускать мою ладонь, да еще и поднес ее к губам. Надо же, меня еще никто не добивался столь откровенно!

– У вас озябли руки, – произнес он, улыбаясь. – Позвольте мне согреть...

– Роберт, прекратите сейчас же! – рассердилась я. Нго горячее дыхание не только согревало мои ладони, но и разгоняло по телу жар. – Сейчас же отпустите!

– Отпущу, если вы дадите мне обещание...

– Чего вы добиваетесь? – рассвирепела я, потому что его наглость переходила все границы! Драться с ним я не собиралась, но задумалась о гвардейцах, что следовали неподалеку, старательно делая вид, что их не существует в природе.

– Перед ужином я играю в теннис с Уильямом Пиккерингом. Умоляю вас посетить игру. Вы – мое вдохновение, Елизавета!

Сказав это, выпустил мои руки. Я же, раскрыв рот, смотрела на лорда Дадли, не веря своим ушам. Оказывается, здесь тоже играют в теннис! Но... Я должна это увидеть!

– Моя королева...

– Да, Роберт, я приду! – сообщила ему.

– Благодарю вас, Елизавета! – ответил он. Поклонился, не скрывая улыбку торжества на лице. – Позвольте вас покинуть. Маршрут завтрашнего выезда

требует моего пристального внимания!

- Да-да, конечно! - отозвалась машинально, не понимая, чему он так радуется. Я ведь всего лишь согласилась присутствовать на теннисном матче!

Пока смотрела вслед удаляющейся высокой фигуре, погруженная в свои мысли, фрейлины наперебой расхваливали лорда Дадли за красоту, обходительность, преданность и умение танцевать. И я подумала... Интересно, нет ли лорда Дадли в списке претендентов на руку королевы?

- Как же давно мы не видели при дворе его жены! - неожиданно произнесла медовым голосом Летиция Ноллис. Та самая Летиция, которая принесла мне Молитвослов этим утром, и о которой предупреждал Роджер!

И я замерла, не в состоянии вздохнуть, словно во всей округе неожиданно закончился воздух. Боже, неужели он женат?! Но тогда к чему вся эта его ревность, взгляды, упреки? Чего он от меня добивался, если он... Женат!

Я медленно повернулась и посмотрела на девушку, на которую уже накинулись, зашипели, чуть не заклевали остальные фрейлины.

- А что я такого сказала? - насупилась Летиция. - У лорда Дадли очень милая жена. Несколько лет назад они приезжали в гости в дом моего отца. Странно, почему он прячет Эми в глуши, так далеко от королевского двора?

Я ничего не ответила, потому что уже обо всем догадалась. Наверное, поэтому и прячет, чтобы не мешала увиваться за королевой!

Но ведь он женат! Женат!.. Ну почему, почему я снова и снова пытаюсь войти в одну и ту же реку?!

Тем временем фрейлины не на шутку встревожились.

- К нам идет граф Арундел, - поморщилась Бесси. - Спешит на всех парусах!

- Господи, только не он! - взмолилась я, вспомнив о взглядах, которыми окидывал меня пожилой придворный во время Совета.

Оглянулась, понимая, что сбежать вряд ли удастся: граф был слишком близко. Полное, покрасневшее на морозе лицо мужчины горело решимостью встретиться с королевой любой ценой. В руках мужчина сжимал свиток. Не знаю, что в нем, но уж точно по мою душу!

– Девочки, – приказала Бэсси, – вы знаете, что делать!

Она подхватила под руки Мэгги и Бэтти и двинулась навстречу графу, а мы с Летицией – видеть ее больше не хочу! – подхватив юбки, поспешили к замку. Когда бежали по парковым дорожкам, до меня донеслись веселые голоса фрейлин, расхваливающих наряд пожилого графа и его новую золотую цепь с медальоном. Генри что-то отвечал, важно и внушительно. Кажется, фрейлинам удалось спасти меня от еще одного нервного потрясения. Но первое было такое, что его надолго хватит.

Роберт Дадли оказался женат, тут уж не убавить, не прибавить!

Глава 5

В своих покоях я долго сидела, уткнувшись в плечо Кэти. Вдоволь навздохалась, но так и не призналась главной фрейлине о причине своей печали. Роберт Дадли оказался женат, а я чуть было не позволила глупым мыслям и чувствам, доставшимся мне вместе с этим телом, взять верх над разумом! Кэти продолжала допытываться, поэтому пришлось пожаловаться на графа Арундела, который, кажется, весь Совет пытался разгадать тайны, скрытые под моим платьем. А потом он еще и преследовал меня в парке, хорошо хоть Бэсси спасла!

За столь самоотверженное поведения я решила подарить девушке пару нарядов, так как у меня их оказалось слишком много – не только огромная гардеробная в Уайтхолле, но еще и целый особняк на улице Бэкфрайарс.

– Старый дурак! – тем временем бушевала Кэти. – Вообразил себе незнамо что! В день твоей коронации разгуливал с серебряным жезлом длиной в ярд и раздавал всем указания, начиная с герцога Норфолка, словно он – будущий король Англии! И все это видели... Подсыплю ему перца в вино, будет знать, как

воображать себя твоим мужем!

Я хмыкнула, представив чихающего графа, но упоминание о вине меня встревожило. Странная мысль зародилась в глубине сознания, но все никак не проклеывалась наружу. Но было что-то, связанное с вином! Но что именно? В день аварии я почти не пила, пару бокалов шампанского за несколько часов до того, как села за руль. Быть может, подсказка это как-то переплетается с Элизаветой?..

Так ничего не придумав, стала собираться на обед в честь собственного выздоровления. Вернее, меня, словно куклу, снова переодели фрейлины, на этот раз в зеленое с белым платье, в цвета династии Тюдоров. Я же ломала голову над загадкой и даже не протестовала против туго затянутого лифа и огромного воротника.

Серьги, колье, диадема, похожая на корону, возложенную на голову в Вестминстерском аббатстве, и – здравствуйте, я – Лиза, королева Англии!

Обед в огромном зале дворца прошел так себе. Нервно, одним словом. В бурных изъявлениях радости со стороны придворных и постоянных здравицах, которые меня крайне смущали. Я улыбалась и кивала, словно заведенная. Вскоре разболелась шея, улыбка прижилась на лице, словно мне сделали пластическую операцию по ее внедрению.

Наконец, все расселись. Я заняла место во главе стола, составленного в виде буквы «П». Справа от меня устроился Уильям Сесил, слева отвели место Роджеру, подозреваю, крайне смущенному оказанной ему честью. На него, определенно, пялились ничуть не меньше, чем на меня. Неужели сочли новым фаворитом королевы? Потому что старому – Роберту Дадли, сокрушительно красивому в черном наряде с белым воротником-фрезой, подчеркивающим смуглоту его лица, – места рядом со мной не нашлось! Я все время чувствовала его пристальный взгляд. Кажется, смотрел он не только на меня, но еще и на Эшама. Нехорошо так смотрел!..

Пожалела, что рядом со мной нет Кэти, но фрейлины сидели за отдельным столом. Зазвучала негромкая музыка, которую иногда перебивали голоса и смех – оказалось, еще какой-то народ толпился у входа в зал – то ли им не хватило места, то ли не прошли фейс-контроль. Тут слуги стали подносить к моему столу

блюда, становясь передо мной на одно колено.

– Роджер, – прошипела я, чувствуя себя в полной растерянности. – Что мне со всем этим делать?

– Берите, сколько пожелаете, – тут же отозвался личный секретарь, – а оставшееся отправьте кому-нибудь за столом!

Я ужаснулась:

– И кому мне отправить пирог с олениной?

– Можно на тот конец, маркизу Пембруку. Он большой любитель охоты.

Еду все несли и несли. Рыба, мясо, рыба, мясо, снова мясо... Я чувствовала себя начальником общепита, ответственным за то, чтобы столики не пустовали. Графу Арунделу послала овощи – говорят, полезно для здоровья; маркизу Винчестеру – дичь, уж больно фамилия харизматичная. Лорду Дадли тоже отправила мясное блюдо, чтобы перестал пялиться на меня так плотоядно. Ну и дальше по списку...

Самой мне было не до еды, от вина я тоже отказалась. При одном взгляде на наполненный бокал тут же почувствовала недомогание, сродни тому, что терзало меня последние три дня. Помню, однажды я отравилась в ресторане, потом месяц рыбу видеть не могла. Может, прежней королеве подсыпали яд именно в вино?

Предаваться размышлениям мне не позволили. Музыка становилась все настойчивее и настойчивее, и, с моего разрешения, начались танцы. Тем временем я была занята беседой с послом Испании графом Ферией, причем на его родном языке. Оказалось, я не только свободно понимала испанца, но и отвечала без запинки.

Посол был колоритен. Черный с золотом костюм великолепно сидел на крепкой фигуре. Белоснежные кружева тончайшей работы украшали его манжеты. Белый воротник подчеркивал смуглый цвет лица графа. Я бы назвала его симпатичным, если бы не большой нос и не пугающие демоническим блеском

черные глаза. Он давил на меня взглядом, потому что, подозреваю, главной его задачей было уговорить королеву Елизавету выйти замуж за своего короля. И он принялся за работу с решимостью выполнить ее любым способом.

Для начала граф Ферия заверил меня, что Филипп II от любви ко мне давно потерял не только голову, но еще и аппетит вместе с интересом к жизни. Бедный король не находил себе места, охваченный страстным томлением настолько сильным, что придворные опасались за его жизнь. Я чуть было не подавилась водой в бокале, которую пила вместо вина. Если не подводит память, то страстное томление, каким бы сильным оно ни было, Филипп благополучно преодолел и уже через несколько лет твердой рукой направил Великую армаду к берегам Англии.

– Мой король покровительствовал вам всю вашу жизнь! – гнул свою линию граф. – Надеюсь, вы помните, что именно он уговорил королеву Марию, вашу сестру и свою покойную супругу, освободить вас из Тауэра...

Вот это да! Выходило, Филипп II уже был королем Англии, и, сдается мне, ему понравилось.

– Дорогой граф, – сладко улыбнулась послу, и секундой позже мужчина подвинулся ближе, словно я собиралась нашептывать ему на ушко военные тайны.

Затем еще ближе, чуть было не уткнувшись носом в квадратный вырез моего платья. Я пожалела, что прозрачная вставка из тонкой материи, начинавшаяся от ворота и собиравшаяся на зеленую ленту у шеи, слишком уж прозрачная. Или граф уполномочен донести королю о наличии или отсутствии груди у королевы Англии?

– Сейчас не лучшее время для разговора о таких серьезных вещах! – заявила ему. – Я только что встала с постели после болезни, и у меня совершенно нет желания думать о государственных делах. Давайте же веселиться!

И кокетливо захлопала ресницами. Пусть считает, что английская королева – дура! Правда, веселиться, как предлагала графу, у меня не получалось, хотя заигравшая мелодия к тому располагала – будоражила кровь и вызвала улыбку, тянула размяться и стряхнуть оцепенение, возникшее из-за долгого сидения за столом.

Тут я заметила направлявшегося ко мне лорда Дадли. Его мне только не хватало для полного счастья!

– Играют вольту, моя королева! – произнес он, улыбаясь, и опустился передо мной на колени. Протянул руку: – Позвольте! – Затем добавил негромко: – Наш танец, Елизавета.

Вольта! Но...

– Не надо, Роберт, – покачала головой и тут же увидела, как вспыхнули недоверием темные глаза. Кажется, он ожидал чего угодно, только не отказа.

– Прошу вас!

– Не сегодня. В другой раз, лорд Дадли!

По столам, отравляя атмосферу обеденного зала, побежал злорадный шепоток. Мне стало жаль фаворита прежней королевы, но... Я понятия не имела, как танцуют эту проклятую вольту!

– Неужели лорду Дадли наконец-таки указали на его место? – картинно удивился граф Ферия и с преувеличенным интересом уставился на Роджера Эшама. В глазах испанца все же промелькнул огонек недоумения. На романтического красавца, способного разбить сердце молодой королевы, учитель из Хэтфилда явно не тянул.

Но я промолчала. Кажется, при дворе решили, что королева сменила красавчика конюшего на своего бывшего учителя. Интересный получается расклад! Удобный для меня – щекотливый для Роджера. К тому же, я видела обручальное кольцо у него на пальце.

Что скажет его жена?

Поговорить с Роджером Эшамом мне так и не удалось, потому что сразу после того, как меня покинул испанский посол, еще двое рискнули пригласить королеву на танец. Одним из них был настойчивый граф Арундел, который даже особо и не расстроился из-за отказа, а второй – светловолосый мужчина лет

тридцати в бордовом камзоле и смешных штанах, к виду которых, впрочем, я уже стала привыкать.

– Уильям Пиккеринг, – Роджер поспешил на помощь. – Очень достойный и обходительный молодой человек из хорошей семьи.

Я с интересом взглянула на того, кто заслужил букет комплиментов от Эшама, ведь мой личный секретарь так просто ими не разбрасывался! Уильям Пиккеринг оказался более чем хорош собой – голливудский блондин с серыми глазами, обаятельной улыбкой и пробивающейся рыжеватой щетиной. Несмотря на возраст, в его облике до сих пор присутствовало что-то неуловимо мальчишеское. Может, все из-за улыбки – искренней и открытой. К сожалению, пришлось отказать и ему. Потому что... Мне срочно надо подыскивать учителя танцев!

Затем я сидела и смотрела, как веселится придворный люд. Но настроение испортилось, когда среди танцующих я увидела Роберта, кружащего одну из моих фрейлин. Ну что же, недолго он скучал в одиночестве! Встала и, посетовав на усталость, отправилась в свои покои. Роджер, который так и не притронулся к еде, поспешил за мной, да и фрейлины не заставили себя ждать.

В покоях я взялась за документы, подготовленные Уильямом Сесилом, подозреваю, с одобрения Тайного Совета. Министры вдумчиво и основательно выбирали себе короля, а мне – мужа, так что бумаг собралось много. К каждому претенденту прилагалась краткая характеристика, написанная каллиграфическим почерком. Рядом – другими чернилами с трудом различимыми каракулями – шли заметки, сделанные, подозреваю, рукой государственного секретаря, потому что после каждой надписи стояла буква «W» (прим. Уильям – William). К тому же, к записям прилагалось несколько портретов, с которых на меня сурово глядели не улыбочивые мужчины, словно недовольные тем, что их рассматривает королева Англии.

Роджера я усадила читать письмо Палаты общин, попросив придумать, как бы им ответить так, чтобы ничего не ответить. То есть послать подальше, но культурно. Фрейлины расположились вышивать, при этом негромко сплетничали. Иногда до меня доносился приглушенный смех. Кэти отправилась распорядиться, чтобы нам с Эшамом подали обед в личные покои. В окружении этих полужнакомых людей я странным образом чувствовала себя вполне уютно, по-домашнему.

Осталось только прояснить один тревожащий меня вопрос. В лоб спросила Роджера, как поживает его жена. Затем добавила, что хотела бы видеть ее при дворе. Сделаю одной из фрейлин, чтобы не болтали лишнего! Оказалось, Маргарет Эшам находилась в семейном поместье Салсбери, что в Эссексе, и приехать в Лондон никак не могла, потому что находилась на последних месяцах беременности. Роджер мило покраснел, когда признался в том, что их ждет пополнение семейства. Путешествие длинное и тяжелое, и он не хотел рисковать здоровьем жены и ребенка.

Я улыбнулась:

– Конечно, Роджер! Но, надеюсь, вы в скором времени подыщете себе дом в Лондоне?

Сама же решила узнать, сколько платят личным секретарям королевы, и намекнуть Уильяму, что стоит добавить... Чтобы ему хватило на приобретение жилья, ведь в услугах Эшама я буду нуждаться еще долго. Роджер был мне необходим куда больше, чем он мог себе представить.

– Я бы не хотела разлучать вас с семьей! Когда родится ваш ребенок... – Тут я вздохнула. Сейчас как-как выберу отца своему, начитавшись рекомендаций Тайного Совета! – И если у него нет крестной, то...

Я все же его удивила. Роджер заверил, что я окажу ему великую честь, согласившись стать крестной матерью его малыша. На том и порешили, и я углубилась в бумаги Сесила.

Первым из претендентов на мою руку был Филипп Испанский, муж покойной королевы Марии, которому так приглянулся английский трон, что он принял волевое решение жениться еще и на второй сестре. На мне, то есть! С миниатюрного портрета надменно взирал темноволосый мужчина с сурово сдвинутыми бровями и заливчатскими усами. Чем дольше я на него смотрела, тем сильнее ощущала внутренний протест, пока не поняла, что бывший зять вызывает у меня искреннее отвращение. Не знаю, что за история была у него с Елизаветой, но реакцию ее тела ни с чем не спутаешь! К тому же, Тайный Совет его кандидатуру не одобрял, потому что Филипп II в предложении о замужестве недвусмысленно намекал, что его королева будет придерживаться католической веры.

Зачем нужен рьяный католик, потворствующий инквизиции, на троне протестантской страны, давно уже вступившей на путь Реформации? Кроме того, на полях заметила надпись: «Не стоит входить два раза в одну реку. W». Но вместо Филиппа я вспомнила о лорде Дадли, который так некстати оказался женат! «И не подумаю!», – рассердившись на себя, дописала рядом. Решительно поставила букву «E» и ловко украсила ее множеством завитушек.

Кажется, именно так подписывалась королева, а у меня это вышло само по себе!

Австрийцы на ярмарку женихов выставили сразу двух своих эрцгерцогов. Старшего, Фердинанда, которому недавно исполнилось двадцать девять, и его брата Карла, чей возраст вызвал у меня улыбку. Деятнадцать лет! Пусть королеве двадцать пять, но мне самой-то тридцать. Что мне с ним делать – в песочнице играть?

Я лениво разглядывала портреты братьев. Двое из ларца, одинаковы с лица... Фердинанда забраковал Сесил, написав, что ходят слухи о тайной женитьбе на дочери банкира, которые, впрочем, Австрия отрицала в надежде породниться с правящей династией Тюдоров. Карла Сесил одобрял, несмотря на то, что австриец оказался католиком. Но, по собственным заверениям Карла, не столь уж ревностным. Эрцгерцог был готов тихо и мирно посещать отдельные католические мессы и не навязывать свою веру королеве и народу Англии. В общем, согласен на все, чтобы заполучить корону.

«Взглянем на эрцгерцога», – написала я на полях и поставила подпись.

Далее следовал кронпринц Швеции Эрик, которому, по утверждению Уильяма, было глубоко безразлично вероисповедание его подданных. Светловолосый мужчина с хмурым выражением лица вызвал у меня симпатию. Эрику исполнилось двадцать шесть. Возраст вполне подходящий для вступления в брак, Швеция близко, да и я частенько в прошлой жизни бывала в этой стране. На него тоже следовало взглянуть, несмотря на намеки Сесила, что за кронпринцем водилась репутация бабника и забияки.

Следующим в списке шел будущий король Дании и Норвегии Фредерик. Возраст тоже подходящий – двадцать пять лет. Уильям отнесся к его кандидатуре позитивно, наверное, так и не сумев раскопать о нем гадостей. Я взглянула на портрет симпатичного темноволосого мужчины, пожала плечами и поставила

рядом роспись.

Посмотрим и на принца Датского!

Замыкал череду принцев крови Джеймс Гамильтон, граф Арран, двадцатичетырехлетний сын бывшего регента Шотландии, предполагаемый наследник Шотландского престола. Если, конечно, удастся подвинуть Марию де Гиз, его узурпировавшую. Переговоры о свадьбе своей дочери Елизаветы и графа Аррана вел еще Генрих VIII, о чем напоминал Уильям в своих заметках на полях. Правда, десять лет назад, подхваченный ветром перемен, молодой человек отбыл в Париж вслед за Марией Стюарт, где жил при королевском дворе, ожидая обещанную ему французскую принцессу. Затем ветер перемен вновь задул, но уже в другую сторону, и принцессы Аррану не досталось.

Зато он вспомнили, что ему обещана Елизавета.

С портрета на меня глядел длинноволосый, с завитыми локонами, мужчина. У него были длинные усы и маленькая бородка, и он походил на актера из советских фильмов о французских королях. Рядом рукой Уильяма было написано, что Тайный Совет счел этого претендента наиболее подходящим. «Надо подумать!» – нацарапала я рядом.

Кажется, с Шотландией было все не так уж и просто. Не зря государственный секретарь рвался обсудить со мной их проблемы!

На этом иноземные женихи закончились. Следом шло длинное и витиеватое послание от Уильяма Сесила, в котором тот напоминал, что королева о вступлении в брак должна думать головой, а не другими частями тела. То есть, желания сердца неплохо бы умирять. Я фыркнула. Но, продолжал Уильям, если мой выбор выпадет на кого-то из придворных, то из всех, «к кому вы проявляли знаки видимой симпатии», Тайный Совет предпочитал сэра Уильяма Пиккеринга. Пусть тот не из самой знатной семьи, зато достойно служил Отечеству и выполнял сложнейшие поручения во Франции и Германии.

Вот такой вот поворот! Значит, Совет согласен на Пиккеринга? Светловолосый придворный показался вполне симпатичным, и я решила присмотреться к нему внимательнее. Далее шла короткая приписка, состоящая всего лишь из двух предложений: «Арундел – старый осел. W.» и «Даже и не думайте о Дадли! W.».

Я написала рядом: «Согласна. Е.» и «Даже и не думаю. Е.».

На этом список женихов закончился. Я попросила Роджера, который уже изучил письмо из Парламента и составлял план ответа, заняться со мной историей, решив начать с собственной семьи. Особенно меня интересовало, кто унаследует трон в случае моей скоропостижной смерти, если не успею вступить в брак и родить наследника.

Ведь тот, кто отравил настоящую королеву, так и не был найден, и мне хотелось знать, кому это выгодно.

Глава 6

Я разглядывала теннисное поле через овальную арку галереи на втором этаже. Мысли разбегались, сердце заволокло стучало, и я едва сдерживалась, чтобы не подпрыгнуть ему в такт. Скорее бы уже!.. Я и представить не могла, что все будет настолько похожим на привычные мне корты – и сетка высотой в метр посреди поля, и разметка, и будоражащий кровь привкус адреналина, пробегающего по крови в ожидании партии.

Мне все время казалось, что это я должна стоять внизу, дожидаясь начала игры. Но вместо этого чинно сидела на втором этаже, разглядывая приготовления к началу игры. Судьи на линии отсутствовали, зато зрителей набралось порядком. Не только моя свита, но, кажется, еще и полдвора толпилось на затянутом сеткой втором этаже – меры безопасности, чтобы случайно не получить травму от тяжелого кожаного мяча сантиметров шесть в диаметре, набитого шерстью. Ракетки тоже отличались от современных – деревянные, узкие, с натянутыми воловьими жилами. Я отняла одну у лорда Дадли и детально ее осмотрела. Конечно, до моей любимой «Willson» далеко, но... Я держала ее в руке и думала, что, пожалуй, смогу защитить честь родного клуба и сразиться со средневековой теннисной элитой.

Элита, как оказалось, пришла сюда не только для того, чтобы заниматься спортом, но и поразить сердца присутствующих дам элегантным видом. Оба игрока были одеты в белоснежные рубашки с кружевами на воротниках и манжетах и белые штаны до колена наподобие наших шаровар. На ногах –

кожаные сапоги. Два демона-соблазнителя – светловолосый Уильям Пиккеринг и темноволосый Роберт Дадли – подошли ко мне, чтобы получить благословение королевы на спортивные подвиги.

– Вы подарите танец победителю, моя королева? – принялся допытываться Роберт, подозреваю, все еще обиженный за отказ станцевать с ним вольту. – Мысль о призе придаст силы для борьбы с достойным противником!

Короткий кивок в сторону Уильяма. Я протянула Роберту руку для поцелуя, заранее решив, что перебежится. Не умею я танцевать, и все тут! Но поцелуй снова затянулся – его губы вели себя слишком уж вольготно вели на моей коже, разжигая пожар в местах, которых касались.

– Прекратите, Роберт! – возмутилась я. – Что вы себе позволяете?

Он улыбнулся и промолчал.

– Не могу вам ничего обещать! – заявила ему. – Все зависит от того, насколько хорошо будете играть.

Сама уже смотрела на его противника, чье имя упоминалось в списке женихов, одобренных Советом. А ведь хорош, зараза! Зараза потому, что улыбается слишком уж заразительно...

Уильям тут же просил, чтобы я пожелала ему удачи. Это я исполнила с легкостью, такого добра у меня много... Затем выпросил мою тонкую шаль, которую держала Бесси. Я пожала плечами и кивнула фрейлине. Девушка протянула ему кусок голубой органзы. Несмотря на сквозняки, гуляющие по галерее, мне становилось жарко при одном взгляде на теннисное поле.

А еще, мне очень-очень хотелось сыграть самой, но я уговорила себя не спешить. Сперва стоило разобраться в местных правилах. Интересно, как быстро летят тяжелые мячи? Смогу ли я принять подачу, и не снесет ли вместе с ней?

Прежде чем началась игра, я все же не выдержала и подозвала Роджера. Он вкратце объяснил мне правила, которые почти совсем не изменились за

четыреста с лишним лет. Даже подсчет очков в геймах был один и тот же. Игра началась с резкого возгласа Роберта «Exite!», когда он подавал мяч. Причем подавал сбоку, а не через верх, в этом и было основное отличие.

И я замерла, приготовившись насладиться игрой.

Скорости, правда, оказались значительно меньше, чем те, к которым я привыкла на теннисных кортах. Мяч был тяжелее и от этого не столь прыгуч. Мужчины ловко перекидывали его через сетку, но кровожадного азарта и желания «порвать» противника в них я не заметила. Игра походила на шоу, в котором возгласы восторга и аплодисменты доставались тому, кто красивее отразит удар.

Внутри зрела уверенность, что я тоже так смогу. Вернее, тоже так хочу!

Моя голубая шаль не спасла Уильяма от проигрыша в трех сетах подряд. Правда, я болела за Роберта – он был совершенно неотразим в белой одежде. Треугольный вырез на тонкой белой рубашке открывал участок смуглой груди и... Я поймала себя на мысли о том, о чем думать совсем не следовало.

Нет, так дело не пойдет! Он женат, а я по странному стечению обстоятельств – королева Англии.

Заставила себя сосредоточиться на игре. Роберт оказался искуснее соперника, ему досталось больше аплодисментов и восхищенных женских возгласов. Наконец, противники обменялись поклонами, затем лорд Дадли поспешил ко мне. Подозреваю, за призом. Но вместо танца, о котором он так просил, я сняла кольцо с указательного пальца. Пусть жене подарит!

– Вы восхитительно играли, Роберт. Я в восторге...

– Елизавета, – поклонился он, принимая кольцо. – Я бы с радостью променял его на танец с вами.

– Хорошо, – решила я. – Будет вам танец, но при одном условии... Вы обыграете меня в следующем матче!

– Вас? – поразился он. Кажется, я удивила не только его, но и сидящих по обе стороны фрейлин и толкущийся позади народ. А что такого я сказала?! Или думают, женщины рождены не для того, чтобы играть в теннис?

Я собиралась доказать им обратное, но не сегодня и не в этом платье.

– Меня, Роберт, меня! – мило улыбнулась ему. – На кону танец – любой, на ваше усмотрение. – И все потому, что была уверена в победе. С моим-то спортивным прошлым! – Если проиграете вы, то... – Что бы такого попросить? Г-м-м, быть может... Хочу кофе к завтраку! – Вы достанете мне кофейные бобы. Знаете, что это такое?

Лорд Дадли коротко кивнул. О, превосходно!

– Они будут у вас в любом случае, – галантно произнес он. – Когда состоится матч, моя королева?

Роберт стоял близко, и я уловила запах разгоряченного мужского тела. Взглянула на крепкую шею и темные волоски на груди, видневшиеся в вырезе его рубашки, и гормоны расшалились окончательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/grinberga_oksana/koroleva-vyzhit-i-ne-svihnut-sya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)